КОНФЕРЕНЦИЯ
«К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВОЙНА, СОЦИУМ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

УДК 94(100)“1914/19” + 930

В. П. Любин

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются новейшие исследования по истории Первой мировой войны, появившиеся в связи со 100-летием со дня ее начала. Основное внимание уделяется анализу современной зарубежной историографии, которая традиционно обращается к проблеме виновников развязывания войны. На примере двух крупных монографий раскрываются основные тенденции развития мировой историографии Первой мировой войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Первая мировая война, национальные историографии, ответственность за развязывание войны, цена войны.

Автору данной статьи давно приходится заниматься сюжетами историографии Первой мировой войны [1, *39–61*]. История данной войны — неисчерпаемая тематика, забытая одно время по понятным причинам нашей отечественной историографией, но постоянно изучавшаяся за рубежом и в последнее время привлекшая большое внимание российских авторов. Хотелось бы обратить внимание на то новое, что сделали историки разных стран в самое последнее время в связи со столетием со дня ее начала, отмечавшимся в августе 2014 г.

Первая мировая война стала роковым событием XX в. и во многом определила его дальнейший ход. Учитывая колоссальную значимость войны для европейской и мировой истории, все так или иначе связанные с ее изучением профессиональные историки разных стран, приверженцы разных научных школ и различных политических взглядов, особенно ученые из стран-участниц, посвятили столетию ряд новых интересных трудов.

В ИНИОН РАН, призванном давать как можно более свежую информацию о том, что нового происходит в общественных науках в России и за рубежом, подготовлен сборник обзоров и рефератов по современной историографии Первой мировой войны [2], о содержании которого говорится в этой статье.

Труды исследователей представлены в виде обзоров и рефератов, предназначенных не только для профессиональных историков, но и для всех, кто

© Любин В. П., 2014

интересуется ставшими теперь очень популярными сюжетами истории Великой войны, как ее называют во многих странах Европы.

Сборник открывается обзором новейшей западной литературы, выполненным мною на материале двенадцати работ на английском, немецком и итальянском языках, изданных в 2013–2014 гг., включая специальный выпуск журнала «Восточная Европа» (Osteuropa). Далее представлен также мой сводный реферат на два российских сборника 2012 и 2014 гг., посвященных Первой мировой войне.

Составители уделили особое внимание традиционным и новым подходам национальных историографий. Рассмотрена немецкая историография Первой мировой войны. Представлены отраженные в новых изданиях новейшие тенденции этой же национальной историографии. Помещены реферат на историографическое исследование Х. Джонс «К столетию Первой мировой войны: Новые подходы в историографии»; очерк об острых дискуссиях в историографии в 1960–1970-е гг., которые проходили вокруг книги немецкого историка Ф. Фишера «Рывок к мировому господству», когда речь шла о роли Германии в развязывании Первой мировой войны: показано, как повлияли эти дискуссии на развитие исследований в различных странах Европы.

Детальный обзор современной итальянской историографии дал генуэзский историк М. Плувиано, участник французского Коллектива международных исследований Первой мировой войны. Представленный им материал интересен тем, что в нем отражены самые новые тенденции данной национальной историографии, а также ввиду того, что в международном научном сообществе роль Италии и итальянского фронта в истории Первой мировой войны обычно недооценивается.

В сборнике отражены крупные труды, нашедшие отражение в виде массы рецензий и отзывов в прессе. К числу фундаментальных трудов, изданных в последние годы, относятся, например, монография английского историка австралийского происхождения К. Кларка «Лунатики: Как Европа вступала в Первую мировую войну» и книга итальянского ученого Э. Джентиле «Два пистолетных выстрела, десять миллионов убитых, конец мира», она представляет собой иллюстрированную обзорную работу по различным аспектам истории Первой мировой войны, ее восприятию в нынешней Европе, и в первую очередь в Италии. Книга Кларка, впервые изданная в Великобритании в 2012 г., была затем переиздана в 2013 г. в США и выдержала тринадцать изданий в Германии в 2013–2014 гг. Рефераты обеих этих книг довелось сделать мне самому, причем, что касается книги Кларка, хотя под рукой у меня находились и английское, и немецкое издания, предпочтение было отдано последнему, так как в нем авторский текст оказался существенно доработанным.

В ряде публикаций анализируется важная проблематика. Так, В. В. Миронов в своей работе рассматривает историю участия Австро-Венгрии в Первой мировой войне. Книга американской исследовательницы С. М. Кингсбери посвящена пропаганде в тылу как одному из главных направлений развития пропаганды в США в годы войны. Польский взгляд на историю Первой мировой войны представлен в монографии А. Хвальбы «Самоубийство Европы». Положение немецких, австрийских и турецких военнопленных в России описывается в книге В. А. Пылькина. Во многих странах — Франции, Италии и др. — в настоящее время

созданы специальные комитеты и комиссии по подготовке к 100-летию Первой мировой войны, состоящие из известных исследователей-историков, литераторов, политиков. Мероприятия, запланированные во Франции в связи с этой датой, обсуждаются в сводном реферате кандидата исторических наук Т. М. Фадеевой; подготовленный ею другой обзор посвящен образам Первой мировой войны в сознании участников и в позднейшей исторической памяти.

Аналитический обзор по истории беженцев в Восточной Европе представила украинская коллега из Харькова, доктор исторических наук Л. Н. Жванко. Этой же проблеме посвящена и ее собственная монография «Беженцы Первой мировой войны: Украинская реальность (1914–1918 гг.)», реферат монографии помещен в сборнике. Завершает сборник реферат книги П. Энглунда «Восторг и боль сражения: первая мировая в 211 эпизодах», в которой атмосфера Первой мировой войны воссоздается по 211 фрагментам из дневников и воспоминаний девятнадцати ее участников из разных стран, сражавшихся на самых разных ее театрах, от Франции до России и от Италии до Юго-Восточной Африки.

Особый интерес представляют монографии К. Кларка [3] и Э. Джентиле [4], ибо они в определенной мере отражают общий мировой уровень нынешней историографии.

Монография Кристофера Кларка, специалиста по истории Пруссии, профессора Кембриджского университета, едва появившись, стала бестселлером в западной исторической литературе. В чем причина такой чрезвычайной популярности этой книги? Если посмотреть опубликованные в Интернете на разных языках многочисленные рецензии, то можно заключить, что в уже почти сто лет разрабатывающийся учеными разных стран детективный сюжет истории начала мировой войны 1914–1918 гг. этот английский (австралийский по происхождению) автор, в том, что касается виновников войны, много нового не вносит. Ну разве что Кларк считает, что виноваты в развязывании мировой войны *все* «главные герои», от которых зависело, быть или не быть войне.

Следует заметить, что подобное мнение было мэйнстримом в мировой историографии начиная с 1920-х гг., историки стали его придерживаться с легкой руки бывшего английского премьер-министра Ллойд-Джорджа, заявившего о «вине всех» в своих мемуарах. После выхода книги Ф. Фишера «Рывок к мировому господству» европейские и американские историки, следуя за Фишером, стали возлагать вину за развязывание войны главным образом на Германию. Кларк признает, что хотя версия Фишера подверглась в последнее время острой критике, до сих пор в историографии «доминирует смягченная версия тезиса Фишера о пути Германии к войне». И, видимо, потому, что в его собственном подходе главная вина с Германии снимается или, по крайней мере, автор не идет вслед за Фишером, немецкие издания книги (к середине 2014 г. их было уже тринадцать) достигли общего тиража в 200 тыс. экз.

Монография Кларка в определенной мере отражает некие попытки, заметные в последнее время особенно в немецкоязычной литературе, произвести ревизию ранее устоявшихся концепций, навеянных упоминавшимся трудом Фишера, заявившим об особой виновности германских политиков и военных в развязывании Первой мировой войны. В отличие от многих других историков Кларк заостряет

внимание на последних предвоенных годах и роли пылающего очага, в который в тот период превратились Балканы. Вероятно, здесь, скорее не напрямую, а между строк, можно прочитать намерение автора — несмотря на его декларированное стремление к объективности, обусловленной взглядом историка на события лета 1914 г. со столетней высоты, и его мнение, что по сути виноваты все, — сделать чуть ли не главным виновником в развязывании этой войны Сербию (которую, как известно, поддерживала Россия). Сербия для автора — «одно из темных пятен истории июльского кризиса» 1914 г. [3, *15*].

Это можно назвать новым историческим ревизионизмом. Автор признает, что многие десятилетия XX в. в европейской и мировой историографии главным виновником считалась Германия, без поддержки которой Австро-Венгрия не решилась бы предъявить Сербии приведший к войне ультиматум. Вопрос, является ли Сербия жертвой или виновником войны, ставится в историографии давно. Следует, однако, иметь в виду, что в те времена на Балканах выдвигались не только проекты Великой Сербии, которым противодействовал австро-германский блок, но и Великой Болгарии, Великой Греции и Великой Румынии. Эти устремления способствовали развязыванию сначала двух Балканских войн, а затем и называемой некоторыми историками «Третьей Балканской» войны, переросшей в мировую.

Один из центральных тезисов книги Кларка гласит, что кризис июля 1914 г. можно понять лишь тогда, когда выяснены пути, приводившие к главным решениям, воздействовавшим на развитие событий. В одном из последних исследований о войне, пишет Кларк, звучит мысль, что вплоть до ее начала война представлялась «невероятной». Отсюда следует, что конфликт стал результатом не долгосрочного ухудшения отношений, а краткосрочного потрясения международной системы. Такое предположение вносит в развитие событий элемент случайности, и это, безусловно, соответствует тому, что некоторые события, которые отражают подоплеку кризиса июля 1914 г., могли помочь избежать войны.

Автор базируется на широком круге источников из разных европейских стран, использует документы из архивов Парижа, Белграда, Москвы, Санкт-Петербурга, Лондона, Вены, Берлина, Штутгарта, Гааги, Гринвича. Одновременно автор не оставляет камня на камне от многотомных официальных публикаций документов о предшествующем войне периоде и о времени самой войны, выходивших в 1920–1930-х гг. в главных странах — участницах военных действий: Германии, Франции, Австрии, Англии, России/СССР и др. Всем им, по его мнению, присущи тенденциозность, попытки обелить поведение и действия собственной страны и обвинить во всех смертных грехах своих противников в прошедшей войне. Разумеется, так оно и есть, в соответствии с намерениями правительств стран—участниц войны обелить действия своих политиков, дипломатов и военных, приведшие к войне, и переложить вину за ее развязывание на противников. Здесь, собственно, Кларк тоже не открывает чего-то нового, об этом преподаватели университетских исторических факультетов говорят своим студентам еще на первых курсах обучения, показывая на примере «цветных книг» периода войны и многотомных изданий уже послевоенного времени, как во всех странах политика в XX в. тесно переплеталась с историей. Серьезной критике в монографии подвергаются и

мемуары политических деятелей, причастных к разработке политического курса в своих странах: Пуанкаре, Сазонова и т. п.

Автор начинает повествование с жестоких убийств 11 июня 1903 г. правителя Сербии из династии Обреновичей, его жены и адъютанта в их дворце, убийств в Белграде их родственников и сподвижников, совершенных заговорщиками, офицерами сербской армии. Этот путч стал началом нового этапа сербской истории, пишет Кларк. После этих убийств трон занял Петр, представитель династии Карагеоргиевичей, находившийся тогда в изгнании в Швейцарии. Кларк констатирует, что борьба этих двух родов во многом определяла историю Сербии в XIX в. и перешла в век XX [3, *25–44*].

Кларк анализирует обстановку, сложившуюся в Европе в конце XIX — начале XX в. У французов, считает автор, несмотря на продемонстрированную накануне войны приверженность России русско-французскому союзу, не было уверенности в том, что Россия их поддержит в случае войны. «Пуанкаре, как и многие другие, принимавшие решения в ходе событий (июльского кризиса 1914 г. — *В. Л.*), чувствовал, что время работает против него» [Там же, *407*]. Вместе с тем в ходе июльского кризиса многие политики, дипломаты и военные в европейских странах ставили вопрос ребром: «Теперь или никогда!».

Новым в интерпретации Кларка является обращение к сюжетам психологического свойства, на которые историки раньше мало обращали внимания. Это особенно проявляется в подразделе, названном «Кризис мужественности?». Кларк показывает, что никто из действующих лиц не хотел подвергнуться обвинению в недостатке мужественности. Следствием этого были принимаемые решения, которые привели к эскалации напряженности и в конечном итоге к началу войны в первые дни августа 1914 г. [Там же, *464–467*].

Главы последнего раздела названы «Убийство в Сараево», «Кризис вовлекает в себя все большие силы», «Французы в Санкт-Петербурге», «Ультиматум», «Предупредительные выстрелы», «Последние дни». По мнению Кларка, после убийства Гаврило Принципом эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги у Австро-Венгрии все же были «отличные резоны отложить военную акцию против Сербии» [Там же, *518*]. Автор указывает на неясность с временны́ми планами мобилизации, отсутствие политического единства среди австро-венгерских элит, успешное продвижение расследования преступления в Сараево, неуверенность в гарантиях германской поддержки.

Показать, что кризис 1914 г. был чрезвычайно сложным явлением, составляло одно из главных намерений автора [Там же, *709*]. Сравнивая то, что происходило тогда в Европе, с тем, что происходит в самые последние годы, когда он заканчивал эту книгу, Кларк замечает, что в данном случае «акторы 1914 г.» могут считаться «нашими современниками». Он снова обращает внимание на то, что происходившее на Балканском полуострове не случайно сыграло «центральную роль» в развязывании войны. Здесь важно иметь в виду «место убийства, которое вызвало тот кризис».

Автор обращает внимание на важные обстоятельства: 1) нельзя забывать, что Балканские войны заставили «заново пересмотреть отношения между великими и малыми державами», и в глазах австрийского и российского руководства борьба

за контроль над событиями на Балканах, особенно после кризиса зимы 1912/13 гг., приобрела «новое и опасное измерение»; 2) последствием этого стала «балканизация франко-русского союза», а Франция и Россия создавали «геополитический бикфордов шнур вдоль австро-венгерской границы» [3, *713*]. «Россия и Франция соединили в этом отношении в чрезвычайно асимметричном виде судьбы двух великих держав с неопределенными действиями одного неспокойного и склонного время от времени прибегать к насильственным методам государства» [Там же, *713–714*].

Для Австро-Венгрии региональные меры в обеспечении безопасности оказались сведены на нет Балканскими войнами. Убийство в Сараево не было поводом для применения существовавшего к тому времени плана вторжения или начала войны. С точки зрения тех, кто живет в начале XXI в., легко было бы сказать, что Вена могла бы прояснить всплывшие в связи с убийством вопросы путем спокойных двусторонних переговоров с Белградом. «Но в условиях 1914 г. это не стало бы заслуживающим доверия решением». Так же как и предложение британского министра иностранных дел Эдварда Грея о посредничестве между четырьмя великими державами.

«Речь не о том, что сербские власти не могли пресечь ирредентистскую деятельность, благодаря которой и было совершено данное убийство. Друзья Сербии не хотели, чтобы за Веной было признано право прибегнуть в своих требованиях к Белграду к средству, с помощью которого она могла бы контролировать ситуацию и осуществлять наблюдение в целях достижения послушания. Они отвергали подобные предложения, обосновывая их тем, что они окажутся несовместимыми с суверенитетом сербского государства» [Там же, *714*]. Это заставляет Кларка провести параллель с дискуссией в Совете безопасности ООН в октябре 2011 г. по поводу предложения государств—членов НАТО ввести санкции против режима Асада в Сирии. Он напоминает, что предложение было отклонено представителем России под тем предлогом, что эта идея означает якобы типичный для западных держав «конфронтационный подход», и представителем Китая, выдвинувшим аргумент, что санкции несоразмерны и что они нарушают сирийский суверенитет [Там же, *714–715*].

Кларк обращается к «вопросу вины», ставшему причиной нескончаемой полемики в историографии после того, как в статье 231 Версальского договора было сказано о моральной ответственности Германии и ее партнеров. «Доказательства вины, звучащие с разных сторон, никогда не теряли своей привлекательной силы».

Автор вновь обращается к не потерявшей, на его взгляд, «живучести» концепции Фрица Фишера, Имануэля Гайса и целой вереницы более молодых немецких историков, согласно которой «главную ответственность за войну несла Германия». Согласно такому подходу Германия не «соскользнула» к войне, а вполне сознательно ее планировала и заранее подготавливала в надежде вырваться из европейской изоляции и отважиться на знаменитый «Рывок к мировому господству» (название книги Ф. Фишера. — *В. Л.*). Хотя в последнее время, констатирует автор, концепция Фишера в ее узловых пунктах подвергается острой критике, «тем не менее смягченная версия тезисов Фишера еще и сегодня доминирует в исследованиях о пути Германии к войне».

Но является ли необходимым возлагать вину на одно-единственное государство или выстраивать целый их ряд, помещая в нем государства согласно степени их вины за начало войны, задается вопросом автор. Ссылаясь на соображения историка Пола Кеннеди, писавшего о «слабости» подобной постановки вопроса, автор считает, что ориентированная на поиск виновника модель исследования не проясняет многих проблем. «Было ли для Сербии неверным стремиться к объединению сербов? Была ли неправой Австро-Венгрия, когда настаивала на независимости Албании? Было ли здесь одно из требований более неправым, чем другое? На самом деле этот вопрос не имеет никакого значения», — считает автор [3, *715*].

Начало войны 1914 г. — это не триллер Агаты Кристи, «в данной истории нет разыскиваемого орудия преступления как неоспоримого доказательства вины или, точнее, оно присутствует в руках, им обладает каждый отдельный важный актор». «Если смотреть с такого ракурса, то начало войны является трагедией, а не преступлением» [Там же, *716*]. «Если мы это признаем, то это вовсе не означает, что мы принизим воинствующую и империалистическую паранойю австрийских и немецких политиков, к которой справедливо привлекли внимание Фишер и его историческая школа. Но немцы не были единственными империалистами, и не они одни оказались подвержены подобной паранойе. Кризис, который в 1914 г. привел к войне, был плодом общей политической культуры. Она была вместе с тем многополярной и на деле интерактивной, и именно это делает ее сверхсложным явлением эпохи модерна и именно поэтому дискуссия о причинах Первой мировой войны развивается дальше спустя сто лет после смертельных выстрелов Гаврило Принципа на улице Франца Иосифа» [Там же, *717*].

«Единственное, что несомненно, — ни одно из дел, о которых спорили политики в 1914 г., не стоило того, чтобы пришла последующая катастрофа. Осознавали ли протагонисты вообще, о чем на самом деле шла речь?» Высказав неодобрительное мнение об их поведении, Кларк заключает: «Если исходить из этого, то протагонисты 1914 г. — это лунатики, бодрствующие, но слепые существа, мучимые кошмарами, неспособные предвидеть реальность ужасов, которые скоро охватят мир» [Там же, *717–718*].

Известный итальянский историк Эмилио Джентиле, автор ряда фундаментальных монографий, посвятил книгу различным аспектам истории Первой мировой войны, ее последствиям, а также ее восприятию в нынешней Европе, и в первую очередь в Италии. 1 августа 1914 г. началась Первая мировая война, пишет он во введении, названном «От памяти к истории». Возможно, этой войны никто не хотел, но никто не сумел ее избежать. Она не была фатально неизбежной, но и не возникла случайно, хотя случай здесь сыграл свою роль. Она была начата людьми, которым принадлежала власть и которые могли сделать выбор между миром и войной. И они выбрали войну.

Правители сделали это, не спрашивая мнения своих подданных. Однако ни в одном из воюющих государств мобилизованные люди, которые отправлялись на фронт, чтобы убивать или оказаться убитыми, не восстали против своих правителей. Здесь следовало бы поправить автора и добавить, что уставшие от войны солдатские массы в России (уточним: конкретно в лице Волынского полка

в Петрограде) восстали против царского режима и свергли его в феврале 1917 г. В Италии песня, которую распевали солдаты в окопах на фронте, заканчивалась призывом «сделать, как в России», и в 1919–1920 гг. страна переживала революционную ситуацию, грозившую закончиться таким же революционным взрывом, как в России.

Многие думали, продолжает Джентиле, что война закончится через несколько месяцев. Мало кто предвидел, что она продлится несколько лет. Великая война, как называют Первую мировую во Франции, Италии и многих других странах, длилась 53 месяца. В ней участвовали крупнейшие мировые державы и малые государства со всех континентов. Были мобилизованы около 70 млн человек. Последними из призывавшихся стали молодые люди 1899 и 1900 гг. рождения. Сражения этой войны закончились 11 ноября 1918 г.

Можно почти с полной уверенностью утверждать, что теперь никого из солдат Великой войны не осталось в живых. Последний ее участник, итальянец, скончался 26 октября 2008 г. в возрасте 110 лет. В том же году 21 ноября умер в возрасте 109 лет последний ветеран французской армии, он был родом из Италии. Последний ветеран в США умер в возрасте 110 лет 27 февраля 2011 г., 5 мая следующего года ушел из жизни последний английский участник Великой войны, ему было 113 лет. «Смерть навсегда устранила возможность услышать голос выживших на войне, получить свидетельства их опыта участников Великой войны. На смену памяти окончательно пришла история» [4, *VII*].

Берлинский конгресс 1878 г. признал Сербию независимым королевством. В 1903 г. было совершено зверское убийство короля Александра и его жены. Александр принадлежал к династии Обреновичей, которая правила в стране с 1858 г. и лояльно относилась к Австрии. Убийство совершили националисты из военных кругов. На трон вступили представители конкурирующей династии Карагеоргиевичей. Новый король, Петр I, пытался подражать правителям из итальянской Савойской династии, объединившей в 1861 г. Италию. Главный печатный орган сербских националистов назывался «Пьемонт». Они намеревались изгнать Австрию с Балкан и объединить южных славян в Великую Сербию, имеющую выходы к Адриатическому морю через Далмацию или Албанию.

В 1908 г. Австро-Венгрия, пользуясь ослаблением Османской империи, аннексировала Боснию и Герцеговину, где более половины населения были сербами. Это способствовало подъему сербского национализма и укреплению союза Сербии с Россией, которая считалась защитницей славян. После 1908 г. в Сербии возникли антиавстрийские террористические организации, как, например, созданная в 1911 г. «Союз или смерть», известная и под другим названием — «Черная рука». Ее создал полковник Драгутин Димитриевич по прозвищу Апис, возглавлявший секретную службу сербского Генерального штаба.

Убийство Франца Фердинанда и его жены двумя выстрелами из браунинга было совершено группой сербских студентов-националистов из организации «Млада Босна», получивших оружие от сербских офицеров из «Черной руки». Австрия была полна решимости обуздать экспансионистские намерения Сербии. Она считала их опасными для своей многонациональной империи. Наследник престарелого императора Франца Иосифа Франц Фердинанд намеревался,

напоминает автор, развивать федералистские начала, предоставить большую автономию славянским землям империи, превратить ее из дуалистичной в триалистичную. Г. Принцип, состоявший в подпольной организации «Млада Босна», был сторонником создания единого южнославянского государства. Ответственность за убийство эрцгерцога правительство Австро-Венгрии возложило на Сербию.

Европейская пресса, разумеется уделившая внимание всем этим событиям, не била, однако, тревогу по поводу угрозы миру на континенте. Погибший эрцгерцог не вызывал больших симпатий. А убийства правящих лиц в ту эпоху не были чем-то новым. Ни одно из них не стало поводом для того, чтобы обратиться к оружию.

После Франко-прусской войны 1870 г. Европа переживала период длительного мира. Это давало надежду на то, что триумфальная модернизация европейской цивилизации, движимой верой в рациональность и прогресс, позволит избежать варварства войны. 14 апреля 1900 г. в Париже открылась крупнейшая всемирная выставка, главной темой на которой было электричество, новая энергия, открытая современным человеком. Она символизировала победу прогресса над темными силами и приход просвещенного и мирного человечества. За семь месяцев работы выставки 50 млн человек посетили экспозицию, ставшую наглядным символом Belle Époque («Прекрасная эпоха» — вошедшее в исторический лексикон название на французском языке периода расцвета европейской культуры 1870–1914 гг. — *В. Л.*). Тридцать лет спустя австрийский писатель Стефан Цвейг отметил, что это была «золотая эпоха безопасности». В 1909 г. большой успех во всем мире получила книга «Большая иллюзия» английского экономиста Норманна Энджела. Он доказывал, что всеобщая война теперь становится невозможной, потому что станет экономической катастрофой как для побежденных, так и для победителей.

Несмотря на подъем пацифистских настроений, в военных штабах Германии, Франции, России и других стран разрабатывались планы будущих военных операций. После визита в 1913 г. генерала Жоффра в Россию, с которой у Франции имелась договоренность о совместных действиях против потенциальных противников — Германии и Австрии, сложилось мнение, что если Германия сосредоточит основные силы против Франции, то, учитывая, что на восточном фронте у нее будет мало войск, русская армия должна будет сразу же перейти в наступление. Даже Англия не исключала того, что будет нарушен нейтралитет Бельгии, если начнутся боевые действия между Тройственным согласием (Франция, Россия, Англия) и Тройственным союзом (Германия, Австрия, Италия). В случае войны, заявили в декабре 1912 г. министры Черчилль и Ллойд Джордж, «для Голландии и Бельгии станет невозможным оставаться нейтральными, и они должны будут стать или друзьями, или врагами» [4, *21*].

28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Она не предполагала, что это вызовет европейскую войну. Этого не предполагал и Николай II, объявивший в России всеобщую мобилизацию. Спровоцировать всеобщую войну не входило в намерения и других европейских правителей, и даже в намерения генеральных штабов. Тот же Мольтке-младший еще в 1905 г. предупреждал кайзера Вильгельма II о невозможности выиграть войну с Францией, о том, что война окажется долгой и изнурительной и станет разрушительной для европейской

цивилизации. Тем не менее через несколько дней главные европейские державы оказались в состоянии войны.

Вследствие нарушения бельгийского нейтралитета Англия 4 августа объявила войну Германии. Затем с 6 по 12 августа последовали объявление Австро-Венгрией войны России и Францией и Англией — Австро-Венгрии. Правительства британских доминионов проявили полную солидарность с метрополией. 23 августа Япония объявила войну Германии, намереваясь захватить находившиеся под ее владычеством территории в Китае, хотя потом ни один японский солдат не был отправлен сражаться в Европу. Наконец, 1 ноября 1914 г. Россия, за которой последовали Франция и Англия, объявила войну Османской империи, вставшей на сторону Германии. Фронт сражений распространился с европейской территории на земли Ближнего Востока и Аравийского полуострова. 14 ноября турецкий султанат объявил джихад — священную войну — против своих противников [4, *40*].

Так в течение немногих недель «Третья Балканская война» (термин автора. — *В. Л.*) переросла в общеевропейскую. Поскольку начавшие ее великие державы владели колониями по всему миру, война с самого начала стала мировой. Несмотря на все заявления предыдущих лет и подготовку к такому развитию событий, которую великие державы осуществляли в предвоенный период, война стала неожиданностью для правителей и генеральных штабов, оказавшихся неподготовленными к ведению длительной войны и быстро исчерпавших накопленные ресурсы.

Великая война, пишет автор, стала неизбежной из-за цепи событий, в которые оказались вовлечены правители и генеральные штабы. Аккумуляция непредвиденных обстоятельств заставила их принимать решения, чреватые страшными последствиями. Здесь переплелись национальные и частные интересы, внешнеполитическая и внутриполитическая ситуации, все чувствовали себя скорее подвергшимися агрессии, чем агрессорами. Никто из правителей, объявлявших войну, не хотел спровоцировать континентальный конфликт, но никто и не мог его остановить.

К концу 1914 г. немцы оккупировали около 10 % французской территории, занятая ими часть Франции имела особое значение в снабжении страны промышленной продукцией и полезными ископаемыми, замечает автор. Они крепко держали в своих руках Бельгию, где жестоко пресекали всякие попытки сопротивления. Сотни бельгийцев были расстреляны, многие сосланы в концентрационные лагеря в Германии.

В августе 1914 г. немцы в течение пяти дней разрушали старинный Лувен, сожгли университетскую библиотеку, в которой были собраны более 300 тыс. книг. Было расстреляно 248 мирных жителей, все 42-тысячное население города подверглось изгнанию, тысячи домов были разграблены. Всего в стране оказались убитыми более 6 тыс. гражданских лиц, 1,5 млн бельгийцев сделались беженцами под натиском немецкой армии. Преступления немцев в Бельгии сразу же стали материалом, широко используемым в антигерманской пропаганде в странах Антанты.

Всего в 1914 г., когда еще существовали иллюзии, что война будет короткой, были мобилизованы более 21 млн человек, из них 15 млн 220 тыс. в странах Антанты и 5 млн 800 тыс. в Центральных державах [4, *50*]. После сражения при

Ипре и провала немецкого плана прорыва к морю на Западном фронте, простиравшемся на 700 км от Бельгии до границ Швейцарии, война из наступательной фазы перешла в позиционную. Иллюзия краткосрочной войны улетучилась. Окопная война, в которой противоборствующие стороны, чередуя наступления и контрнаступления, продвигались всего лишь на сотни метров, продолжалась все последующие годы. Во втором сражении у Ипра, длившемся с 22 апреля по 25 мая 1915 г., германская армия впервые провела эксперимент с применением химического оружия. Оно использовалось и союзными армиями, впервые — англичанами на Западном фронте 25 сентября 1915 г. в сражении при Лоосе. Это оружие вызвало многочисленные жертвы с обеих сторон. Выжившие солдаты в письмах на родину отмечали, что после таких боев взору предстают «ужасные картины». Лишь применение противогазов позволило избежать гораздо бóльших жертв.

Несколько страниц автор посвящает сражениям 1914 г. на Восточном фронте, простиравшемся от Балтийского до Черного моря. Он упоминает окончившееся поражением русской армии сражение под Танненбергом в Восточной Пруссии и у Мазурских озер, которое выиграли немецкие военачальники Людендорф и Гинденбург. Русская армия, со своей стороны, провела успешное наступление против Австро-Венгрии, потерявшей 350 тыс. солдат, в результате этих сражений были взяты Львов и другие важные пункты. Лишь в марте 1915 г. войскам Центральных держав удалось изгнать русских из Галиции и занять Польшу и Литву. Но эти успехи не вынудили Россию заключить сепаратный мир.

Ввиду того что во Франции установилось равновесие и фронт не двигался долгое время, союзниками был открыт новый фронт: созданный по инициативе Черчилля англо-французский корпус с участием австралийцев и новозеландцев 25 апреля 1915 г. высадился в Галлиполи и вступил в борьбу за Дарданеллы, стремясь захватить Константинополь. Но турецкие войска, подготовленные немецкими инструкторами, оказали стойкое сопротивление. Окопная война, продлившаяся долгие месяцы, спровоцировала и здесь большое число жертв. В турецкой армии прославился молодой офицер Мустафа Кемаль. Другая операция союзников, начавшаяся 5 октября 1915 г. в Салониках в Греции и направленная на поддержку сербских войск, также была безуспешной: австрийцам удалось разгромить сербскую армию и занять Сербию и Черногорию. Вступившая в войну на стороне Центральных держав Болгария заняла Македонию. Насчитывавший полмиллиона военнослужащих экспедиционный корпус союзников не достиг поставленной цели продвинуться на север Балкан.

Немецкий фельдмаршал фон Гольц, отличившийся своей жестокостью в отношении гражданских лиц в Бельгии, написал после поражений англичан в Дарданеллах и Месопотамии, что «особенностью XX в. станет революция цветных рас против европейского колониального империализма» [4, *50*]. В войсках союзников воевали десятки тысяч солдат — подданных английских и французских колоний. Война шла и в Африке, и на Дальнем Востоке. 14 августа 1917 г. Китай объявил войну Центральным державам, республиканское китайское правительство надеялось вернуть свои территории, занятые Германией.

В июне 1916 г. началась война арабов против турок на Аравийском полуострове, англичане пообещали арабским повстанцам свое содействие в создании

независимого государства. В июле 1917 г. арабы заняли порт Акаба на Красном море, 9 декабря 1917 г. английские войска вошли в Иерусалим.

Автор обращается к сюжету вступления Италии в войну, периоду нейтралитета 1914–1915 гг., началу боевых действий итальянской армии в мае 1915 г. Учитывая, что в целом 1915 г. стал негативным для Антанты, единственным позитивным для нее фактом, по мнению Джентиле, стало вступление в войну Италии на ее стороне.

В начале боевых действий на итало-австрийском фронте итальянская армия под командованием генерала Кадорны потеряла только в первых четырех сражениях против австрийцев на реке Изонцо в 1915 г. 66 тыс. убитыми и 180 тыс. ранеными без достижения сколько-нибудь значимого результата [Там же, *88*]. Вторжение австрийских войск на итальянскую территорию в мае 1916 г. повлекло за собой отставку правительства Саландры. Итальянцам помогло июньское наступление русских войск под командованием Брусилова. В том же июне 1916 г. австрийцы впервые применили на итальянском фронте газовую атаку. От отравления погибли около 3 тыс. итальянцев [Там же, *90*].

Джентиле уделяет внимание «войне машин», «войне материалов». Он считает, что произошла «демонизация противника, как в религиозной войне». «Бог с нами» (Gott mit uns, God is with us) стало лозунгом всех армий [Там же, *115*]. Упоминаются кровопролитные сражения под Верденом и на Сомме 1916 г., успешное наступление русской армии под командованием Брусилова. Оно «деморализовало австро-венгерскую армию», потерявшую 600 тыс. военнослужащих, 400 тыс. сдались в плен. Но и потери русских оказались велики — 1 млн солдат. Смещенный с поста начальника Генштаба генерал Фалькенхайн успешно сражался на фронте против армии вступившей в войну на стороне Антанты Румынии и взял Бухарест. Румыны потеряли убитыми и сдавшимися в плен 350 тыс. человек [Там же, *119*].

Усталость солдат от войны привела, например, к поражению итальянцев при Капоретто в октябре 1917 г. Они понесли тяжелые потери: 10 тыс. убитыми, 29 тыс. ранеными, 290 тыс. пленными. За десять дней итальянцы потеряли все территории, отвоеванные у австрийцев за два года войны, и австро-немецкие войска оказались в 50 км от Венеции. Тем не менее итальянцам удалось остановить эти атаки и впоследствии самим перейти в наступление.

Джентиле упоминает о революции в России 1917 г. и о вступлении в том же году в войну США, которые и раньше оказывали экономическую и финансовую помощь странам Антанты. Дана характеристика речи в американском конгрессе 8 января 1918 г. президента Вильсона, выдвинувшего 14 пунктов, на основе которых, по мнению американцев, должен быть заключен мир. Для них это была «война за демократию». Для Советской России речь шла о выходе из войны с Центральными державами, в самой стране началась гражданская война.

Окончание боевых действий в ноябре 1918 г., по мнению итальянского исследователя, не принесло «замирения». На мирную конференцию, начавшуюся 18 января 1919 г. в Париже и закончившуюся подписанием Версальского мира и других соглашений между воевавшими странами, не были допущены представители побежденных государств и даже Россия, потому что ни одна из «союзных и ассоциированных» держав не признала большевистского правительства [4, *157*].

Характеризуя послевоенные революционные события в Германии, Джентиле замечает, что первое республиканское правительство должно было подписать мир с победителями. На Парижской мирной конференции речь шла о «новой Европе». Автор напоминает о жесткой критике Версальского договора европейскими интеллектуалами. Даются цифры понесенных в войне огромных людских потерь по разным странам.

В эпилоге под названием «Конец мира» Джентиле подчеркивает, что «два выстрела из пистолета, прозвучавшие 28 июня 1914 г., спровоцировали 10 млн убитых, и последствия этого означали настоящий “конец света”». В течение лишь немногих месяцев «прекрасная эпоха торжествующего модерна стала эпохой убийственного модерна» [Там же, *197*].

«Разразившаяся в момент, когда европейская цивилизация находилась в апогее своей мировой гегемонии, Великая война показала, до какой жестокости способна дойти наиболее цивилизованная и прогрессивная часть человечества, которая не поколебалась использовать все ресурсы промышленного производства, достижения науки и техники, организационную эффективность государственного аппарата, интеллект, культуру и искусство для того, чтобы создать гигантскую человеческую бойню с целью достичь победы над обесчеловеченным, демонизированным и превращенным в зверя врагом» [Там же, *198*].

Скептицизм и пессимизм стали преобладать в европейской культуре после этой войны. «Мир торжествующего модерна с его верой в разум и прогресс закончился». Памятники погибшим, воздвигнутые, чтобы смягчить боль миллионов семей и увековечить память о них в грядущих поколениях, стали «похоронным напоминанием об эпохе торжествующего модерна, покончившего самоубийством в Великой войне» [Там же, *204, 207*].

Среди авторов работ о Первой мировой войне исследователем упомянуты немецкие историки Фриц Фишер и его оппонент Герхард Риттер, В. И. Ленин, французские историки Пьер Ренувен и Жан Батист Дюрозель, англичане А. Дж. П. Тэйлор, Джеймс Джолл, Хью Стрэчен, Джон Киган, американский историк Джордж Л. Моссе. В числе новых книг о войне Джентиле цитирует монографию Кристофера Кларка, отметившего, что «конфликт был последствием не длительной деградации, а травм, полученных незадолго до его начала и потрясших международную систему» [Там же, *220*].

Признанный специалист по итальянскому фашизму, Джентиле характеризует установившиеся впоследствии три тоталитарных режима: «с одной стороны, большевистский тоталитаризм, с другой — фашистский и национал-социалистский тоталитаризмы» как вышедшие непосредственно из войн — большевистский из Гражданской войны в России, фашистский и национал-социалистский — из Первой мировой. Эти «три тоталитаризма выступали против либеральной и парламентской демократии, но в то же время существовал смертельный антагонизм между большевистским тоталитаризмом, с одной стороны, и фашистским и национал-социалистским, с другой» [4, *218*].

«Несомненно, тоталитарные режимы использовали опыт Первой мировой войны для того, чтобы развить свои системы политики вооруженного насилия и введения палочной дисциплины в обществе под контролем единственной

партии, но тоталитаризмы не были неизбежным следствием Великой войны, как и "брутализации политики"... В таких странах, как Франция и Бельгия, которые с самого начала были глубоко вовлечены в войну и пережили брутальный военный опыт, тоталитарные режимы не возникли. В той же Германии после первых лет вооруженного политического насилия Веймарской республике удалось стабилизироваться. Национал-социалисты до 1928 г. оставались лишь небольшой партией, которая без "великого кризиса" 1929 г., возможно, никогда не пришла бы к власти» [Там же, *218–219*].

1 сентября 1939 г. Европа вновь стала эпицентром континентальной войны, развязанной национал-социалистской Германией. Она стала Второй, самой большой мировой войной, число погибших в ней, среди которых было немало гражданских лиц, достигло 50 млн. Был совершен геноцид 6 млн евреев в европейских странах. Летом 1945 г. стало ясно, что эта новая бойня лишила Европу остатков ее прежнего «примата» в мире. Продолжавшееся развитие модерна и вступление человечества в третье тысячелетие прошли без того, чтобы к первым двум добавилась Третья мировая война.

Хотя после 1945 г. и происходили войны, акты геноцида, массовые убийства, продолжающиеся и в первые десятилетия XXI в., но за более чем 60 лет после Второй мировой войны наблюдался прогресс науки и технологий, сопровождавшийся заметным улучшением качества жизни, подобно тому как это происходило в десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне. Война не является судьбой модерна, но при модерне она начинается, когда с ее помощью пытаются разрешить противоречия, которыми насыщена жизнь народов в эпоху постоянных и неизбежных перемен. Когда эти перемены не удается подчинить человеческой рациональности, тогда выход в виде войны может представляться наилучшим решением, заключает Джентиле [Там же, *219*].

Таковы тезисы, выдвинутые авторами процитированных монографий. Обе они стали заметным явлением на фоне массы появившихся к столетней годовщине начала Первой мировой войны других трудов. Поток этих работ не прекращается и, очевидно, будет нарастать в ближайшие годы. Задача историков-профессионалов заключается в обобщении и тщательном анализе данной литературы, систематизации и оценке новых подходов, представленных в современной историографии Первой мировой войны.

---

1. *Любин В. П.* Проблемы историографии Первой мировой войны: новые работы 90-х годов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : реф. журн. Сер. 5 : История. М., 1999. № 3. С. 39–61.

2. Первая мировая война. Современная историография / отв. ред. В. П. Любин. М., 2014.

3. *Clark Chr.* Die Schlafwandler: Wie Europa in den Ersten Weltkrieg zog. Bonn, 2013.

4. *Gentile E.* Due colpi di pistola, dieci milioni di morti, la fine di un mondo: Storia illustrata della Grande Guerra. Roma ; Bari, 2014. XII.

Рукопись поступила в редакцию 7 августа 2014 г.